

АРАБЫ

Арабы — мнится в слове этом:
Скрипенье старенькой арбы,
Луна над стройным минаретом,
Верблюда плавные горбы.

Глаза-маслины бедуина,
Кофейный горький аромат.
Звучат остроты Насреддина,
И сотрясается Багдад.
Детей пронырливые стаи,
Что заставляют чужака,
Мгновенно вихрем налетая,
Залезть в карманы пиджака.
Овец роскошная отара
И поле крутобоких дынь.
Вся в золотом мечеть Омара
Сияет хижинам пустынь.
Бег тонконогой кобылицы
Дорожный воздымает прах.
Ручьем струятся небылицы
Восточных сказок во дворцах.
Зверьком прыгучим из засады
По внешней уличной стене
Мелькнула тень Шахеризады
Со взором влажным в глубине.
Едва от суетного гнета
Спасает ночи пелена,
Встает фигурка звездочета
Читать на небе письма.
Тугие кисти винограда,
Кувшин колодезной воды.
Искрится каплями прохлады,
Стекая с темной бороды.
Ковра узорная окраска.
И туфель загнуты носки.
Глас Иоанна из Дамаска —
Соперник сумрачной тоски.

ЕВРЕИ

Евреи... ныне вас желаю
Почтить изысканной строкой,
Пройтись по солнечному краю
Он удивительный такой.
В толпе живой и говорливой
Поймать библейское лицо:
Глаза, как вызревшие сливы,
И пейсы завиты кольцом.
Казалось, нация разбита,
Остался только сырый прах,
Но звуки слышатся иврита
Опять в ухоженных дворах.
С ограды ветви апельсина
Свисают, путника дразня.
От строгих окриков раввина
Замолкла детская возня.
Пора субботнего покоя
Священна, трепетна, тиха.
Пожалуй, Тору я раскрою
С медовой сладостью стиха.
На фоне суетного хлама,
Рутины будничных обид
Проступит вера Авраама,
Смиренный выглянет Давид.
Забуть бы вовсе мне о веке,
В котором ныне мы живем.
Но на углу возле аптеки
Маячит девушка с ружьем.
Сломила норов каменистый
Земля, закутавшись в вуаль —
Тончайшим кружевом душистым
Цветут фисташки и миндаль
Вблизи Кедронского потока,
Что в наши дни совсем зачах,
Идет корова с поволокой

В печальных знающих очах.
Как только пальцы тронут лиру,
Коснутся клавиш иль пера,
Евреи чудо явят миру,
Что все воспримут на «ура».
Богоизбранному народу
Послушны ноты и слова.
Внимая гениев восходу,
Дрожит Сальери голова.

СТАМБУЛ

Протянут мост между частями света,
И влажный воздух носит запах рыб.
Поток толпы скользит по парапету,
К перилам кто-то с удочкой прилип.
На площади базарной у причала
Взлетают шумно стаи голубей.
Дымится плов, расставлены пиалы,
Зайди же гость, разуйся, ешь и пей.
Пробудешь в лавке рыночной изрядно,
Уже забыв, зачем туда пришёл.
Хотел купить халат себе нарядный,
И вот как дар, кладут его на стол.
Взяв понемногу перца и корицы,
Ты продавцу становишься родным.
И вы никак не можете проститься,
Всё в разговоры погружаясь с ним.
Шагнул Стамбул одной ногой в Европу,
Потом решил, что хватит, мол, уже.
Вот мчатся в шортах женщины галопом,
Им семят навстречу в парандже.
В костюм и галстук облачили турка,
Пустив по-светски с тростью на бульвар.
Но так и видишь: в недрах переулка
Идет к метро с кинжалом янычар.

Минуя дверь кофейни придорожной,
Скользнешь глазами: головы склоняя
Там над доской сидят, заметить можно,
Как палец с перстнем взялся за коня.
Резное блюдо, горочка лукума,
Плющом увита задняя стена.
Здесь отдохнешь от суетного шума,
Уйдя на миг в иные времена.
Напротив купол высится Софии,
Средь позолоты скромно кое-где
Остались лики, скорбные такие.
Они сейчас находятся в беде.
Как будто вовсе не было Царь-града!
Морской прибой слизал его волной.
Песочный замок, детскую усладу,
Залил навек с игривостью шальной.
Звучит призыв к вечернему намазу,
Заворожив певучестью стиха.
И все дела бросают прямо сразу,
Спешат, как овцы, слыша пастуха.
Ковер босые приласкает ноги,
Закатный луч ударит в витражи.
Отступят тут житейские тревоги,
Их с простотою Богу расскажи.
А если дух тоскует и томится:
Не испытал Аллах земную боль.
Он только *правит* властною десницей,
А пострадать за нас, увы, уволь,
То среди старых, сереньких кварталов
Стоит невзрачный, чуть облезлый дом.
Афонский инок отворит устало,
На этаже, по-моему, восьмом
Ютится храм, затерянный на свете.
По-эмигрантски просто, горячо
Там служат, как испуганные дети
Всегда готовы защитить плечом

Свои постройку в случае тревожном,
Чтоб хулиган дворовый не сломал,
Как сквозь толпу проходят осторожно,
Неся в руке наполненный фиал...
Между деревьев возле водоема —
Покои древних царственных владык.
Оттуда веет райскою истомой,
И перед ней немеет мой язык.
Прекрасен стан узорного кувшина,
Но не нальет никто уже вина.
Он узницей гаремною покинут,
Которая от глаз удалена
Капризного османского вельможи.
Фаянсовый виднеется сервиз,
Опалы, изумруды, мех и кожа,
Парча расшитых драгоценных риз...
У входа куст разросся, и бутоны
Зарозовели отблеском зари,
Он, в росписи орнамента продленный,
Запечатлён снаружи, изнутри
Чудесных залов, комнат, переходов,
Камин, кальян, подушки и ковры
Принадлежат теперь уже народу.
Не пережил султан бы сей поры.
В широтах южных быстро вечереет.
Накинет город темный свой хиджаб.
Все по домам торопятся скорее,
А я — ступить на корабельный трап.
Вот местный мальчик, жмурясь и ликуя,
Так кукурузу яростно грызёт.
И невдомёк ему, что увезу я
Его в душе на много миль вперед.
Он подрастет, окрепнет, поумнеет,
Но не узнает, что прошли года,
А на полях какой-то там Рассеи
О нём припомнят с грустью иногда.

Старуха сонно пряжу растеряла,
Лоток закрыли с ваксой обувной,
Танцует ветер около вокзала,
Крутятся, как дервиш — всё беру с собой.
Бывает часто: ноет в сердце рана,
Чтобы тогда отрадою пахнул
Мне, из морского выступив тумана,
Великолепный сказочный Стамбул.

ФИАЛКА ТРЕХЦВЕТНАЯ

Проступают среди листьев
Капли краски с Божьей кисти,
Что тянулась расписать
Райских сводов перекрытья.
Нарисую, может быть, я:
Фиолетовую гладь,
А на ней — пятно лазури,
Словно вспышка среди бури,
Неба ясного клочок.
И сияет в середине
Этой жгуче-нежной сини
Золотистый светлячок.
Что за чудо, что за сказка!
Как у бабочки раскраска,
Будто крылья мотыльков.
Вот оставят тротуары
И взметнутся на Канары
Прямо с клумбы из оков.

У мечети возле рынка
Продают живых цыплят.
Переполнена корзинка,
Оглушительно пищат.

Так и хочется по-детски
Прикоснуться, поддержать.
Мальчик подошел турецкий,
И рукой цыпленка — хватъ.
Я гляжу на расстоянья.
Что всегда внушает мне
Свои чувства и желанья
Прятать где-то в глубине?
Что мешает мне раскрыться,
Быть везде самой собой?
Отобрал хозяин птицу
И прогнал юнца домой.
Он ушел слегка обижен.
Вот чего боюсь и я:
Чуть потянешься поближе,
А окажется, что зря.

ПОКРОВ

К окну прилип кленовый лист,
Звенит стекло, и ветра свист —
Зимы предтеча.
Разлита в воздухе печаль,
Дождем смывает пастораль,
И никнут плечи...
Вздыхает влажная земля,
Желтеют в ризах тополя,
Слетела нега
С роскошных спутанных ветвей.
Где пел весной соловей —
Там хлопья снега.
Вдруг повалил он и закрыл
Своим размахом белых крыл
Над нами просинь.
Как будто занавес упал,
Замолкли танцы, кончен бал,

Уходит осень...
Чехлом окутан весь помост,
Похоже на Великий пост.
Клочок афиши
Оторван вихрем от столба,
Снежинки чувствует губа,
И стало тише...
В молочном свете фонаря,
Чудесно в воздухе паря,
Летят пушинки
И, обжигая хладом вдруг,
Ложатся плавно, а вокруг —
Как на картинке
Из датской сказки, где зима
Свои ломает терема
Пред детской верой,
Где мчался северный олень,
И был тягуче долгий день
Туманно серый...
Пустеют улицы везде
В семейном спрятаться гнезде
Скорей желаем,
На кухне сесть под абажур
Средь близких родственных фигур
С горячим чаем.

ОСЕНЬ

Иду по дороге, а слева и справа
Листва покрывает пожухлые травы,
Из пестрых лоскутьев слагая ковер.
И реквием этот поры увяданья
Повсюду разносит немые рыданья.
Гремит, надрываясь, торжественный хор,
Где темная охра гудит басовито
В желтеющей кроне озябшей ракиты,

И золотом тонко звенят тополя.
Им вторят пониже пунцовые пятна
Растрепанных кленов, осин неопрятных
Неслышно вздыхает сырая земля.
Всех зеленью сочной смущает береза,
Она уцелела чуть-чуть от мороза
И ныне слегка разбивает мотив.
А ива, наивно в плохое не веря,
Едва осознала, какая потеря
Случилась, все в мире собою затмив,
Молчит и глядится в зеркальные воды,
Как облик ее по законам природы
Теряет и свежесть, и юность, и цвет.
На самой пронзительной жалобной ноте
Гроздь ягод алеет в осенней дремоте,
Печальный со всеми выводит куплет.

В края чужие двигаюсь упрямо,
От дома прочь душа устремлена,
Чтоб с изумленьем вещего Адама
Там нарекать народам имена.
Взглянуть кругом по-новому, впервые,
По-детски ясно, чисто, глубоко:
Как дремлют горы темно-голубые,
Над ними — месяц, словно молоко.
И город белый в этом лунном свете,
Весь в серебре, как бы из юных грез.
И плащ расшит у матушки-планеты,
На синем фоне — мириады звезд.
Их много там во области заочной.
То маяки зовут издалека,
Плывет земля и облачные клочья
Волнами бьют усталые бока.

Плывет земля в воздушном океане —
Наш пароход с огнями на борту.
В каком порту неведомом пристанет?
Куда с нее навеки я сойду?

ГРУСТЬ

А впереди уж небо почернело...
Нависла туча, и пощады нет.
Томится хладом, содрогаясь, тело,
Хотя кругом — еще спокойный свет.
Сверкнет внезапно молния над лесом
И слепотою поразит глаза.
Падет стеной дождливая завеса,
Загрохотав, ворвется в мир гроза.
Вот так и ты, с восторгом балагурия
В своей семье среди родных седин,
Уж знаешь точно: скоро будет буря,
Ведь все умрут. Останешься один.

Жизнь человека — словно точка
На фоне белого листа.
Так снежным полем одиночка
Бредет в родимые места.
Не зная толком направление,
Рисуя на свой риск и страх
Зигзагов дивное сплетенье,
Узор, таящий смысл впотьмах.
В фигурке этой сиротливой
Сошлись бескрайности путей:
Картин сюжеты, книг мотивы,
Задор мелодий, смех детей.
Суровость формул, блеск расчетов,
Научных поисков азарт,

Тень серебристых самолетов,
Перипетии звездных карт.
Роскошных городов громады,
И волны золотистых нив,
Дворцов изящные фасады
Среди фонтанов и олив.
Точеные тела атлетов
И быстроходные ладьи,
Что древним эпосом воспеты
В молодые дни всея земли.
Любезная улыбка друга
И теплота его руки.
В часы трудов или досуга
С ней все тревоги далеки.
Но это вскоре воплотится
Меж двух сухих могильных дат...
...Как будто перышки жар-птицы
Вдруг растоптал ногой солдат.

Хоть в Кёльн уехать, в Краков, в Краснодар!
Не все ль равно, в какой толпе скитаться,
перетекать с проспекта на бульвар
среди семейных оживленных пар
меж тополей, сирени и акаций.

Ты не живешь, пока тебя из всех
своей любовью кто-то не отметит
и окрылит на подвиги, успех
придет легко без видимых помех,
неповторимым сделав на планете.

Ты не живешь, и капает вода
из крана на невытую посуду.
Нет силы встать и двинуться туда,

над головой — протечки борозда,
душа уже устала верить в чудо.

Мой остров пуст, и люди-корабли
который год проходят только мимо.
Не докричаться с крошечной земли.
Как дать им знак, чтоб ближе подошли,
Чтоб берег в ней почуяли родимый?

Да, заплывают странники порой.
Уже не мало тут их побывало.
Меня развлечь стараются игрой,
Куда-то тащат с миной озорной,
всё уверяя поднимать забрало.

Но гаснет день, они в обратный путь
Домой стремятся, нету им причины
Со мной остаться, не могу шагнуть
За тем, кто дорог, надрывает грудь...
Вдвоем бы шли аллелей тополиной

В вечернем свете улочкой кривой
по Киеву, Калуге, Кишиневу,
где месяц, улыбаясь за листвой,
всё звал и звал бы в небо за собой,
мерцая золотистою подковой.

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

Читала книгу в эту ночь
Я о потерянной России.
Как бы хотелось ей помочь,
Не допустить апостасии.
Чтоб звук классических сюит
Мешался с запахом сирени,
Когда она в окно сквозит,

Чуть осыпаясь на ступени.
На платье белое в саду
Хозяйки с томиком Флобера.
Пускай усадьбу украдут,
И Родину, Царя и веру.
Но камергеры, и пажи,
Оставив царские медали,
В парадных моя этажи,
Из «Иоланты» напевали.

ЛЕТО

Могу смотреть, не двигаясь, часами,
Как замер лес в вечерней синеве.
Легко играет ветер волосами,
И блики тихо тают на траве.
Метает солнце огненные копы,
Сползая утомленно с высоты.
Закат раскрасил облачные хлопья,
Поникли, пригорюнились цветы.
Задумчиво глядятся в отраженье...
Хрустальных вод серебряная гладь
Здесь, верно, та, что в первый день творенья
Отозвалась на Божью благодать.
Нет ничего чудеснее на свете,
Чем говор листьев, вековечный шум.
Он, так давно поэтами воспетый,
Со дна души вздымает столько дум.
Неисчислимы щедрости природы.
Приходят дни — с дарами корабли —
И снова — прочь, кладя в копилку годы,
За край багряный матушки-Земли.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

– Младенец слаб и нежен.
Как Он спасет меня?
Когда декабрь снежен,
В пещере нет огня.
Пускай простонародье
Мешает с явью сон. —
Сказал, держа поводья,
Седой центурион.
– Погибнет это Чадо,
Хоть Сын самих Небес.
Замерзло даже стадо
И жметя под навес.
Плащом Его укрою
Со своего плеча,
Мороз ночной порою,
Коварней палача.
В дрожаньи звездной пыли —
И диво и каприз:
Её красу затмили
Покровом рваных риз.
Пространней полусферы,
Ткань охватила вмиг
Все откровенья веры
Из старых мудрых книг.
Волною плащ окутал
Того, Кто бросить прочь
Зловещий яд цикуты
Сократу мог помочь.
Пред слугами Закона,
Что прочили провал,
Апории Зенона
Играя, разрубал.
Когда царапал щёки
Эдип, узнавши мать,
Мог Отрок светлоокий

Прощенье даровать.
Скучающий Тиберий
Среди роскошных вилл
Смысл жизни, что потерял,
Опять бы получил.
Заявлено народу
Сквозь вечный шум и гам:
— Познайте вы свободу
В любви к своим врагам.
Вернулся из похода
В час жизни роковой
Беспомощным уродом
Солдат едва живой.
Был раньше своенравен,
Привык иметь успех,
А старый и бесправный,
Озлобился на всех.
И правда, неприятно
Глядеть на грубый лик,
В душе — порока пятна.
В устах — звериный рык.
Два странных человека
Пришли из дальних мест,
На чьей груди калека
Заметил медный крест.
Они остались рядом,
Укутали плащом.
«Печалиться не надо.
Втроем не пропадем».

ВЫСКОЧКА

Копошились гуси у корыта,
Лапы перепончатые в грязь
Погружали важно-деловито,
Друг на друга с ревностью косясь.

И копя прилежно жир подкожный,
Совершая трапезы обряд,
Свой мирок двумерный и острожный
Почитали прямо за Царь-град.
Им судьба в грядущем начертала
Украшеньем стать для чьих-то щей.
«Нет, — гогочут, — лучшего финала,
Чем среди трав, приправ и овощей.
Во главе стола на медном блюде
Разрешить загадки бытия...
То-то нам обрадуются люди!»
Лишь гусёнок, слезы затая,
Думал, как пернатые собратья
Нильса уносили в дальний край,
Рим спасли от грозного заклатья,
Стражу разбудив смятеньем стай.
Гусь мечтал, что грацией нехитрой
Оживит улыбкой сумрак лиц,
Жизнь раскрасит светлую палитрой —
В чем удел могучих смелых птиц.
Чтобы тельцем, трепетным и малым,
Не утробу чью-то веселить,
А чертить дорогу на причалы —
Корабли от гибели хранить.
Пусть на воле свищет часто буря,
Пусть охотник расставляет сеть,
Это лучше, чем спокойно тюрю
У кормушки есть и духом тлеть.
«Эй, малец, — сказал вожак надменно, —
В облаках ты сильно не витай.
О себе так думать не смиренно.
Птичник наш прекрасен, это — рай.
Пафос твой смешон, а цели глупы.
И не рви рубаху на груди.
Дальше этой фермерской халупы
Ничего не светит впереди».

Но однажды пролетала мимо
Стая диких серых гусаков.
И малыш, насквозь тоской палимый,
К ним рванул, спасаясь от оков.
Он чужой. Среди тех, умильно сытых,
И среди этих сильных забияк,
Испытавших все, штормами битых,
Ободравших перья среди драк.
Пилигрим, романтик торопливый,
Одиссеей будущей томим,
Сделал все, чтоб стать и быть счастливым.
Чтобы жить. И жить давать другим.